

ПРОЛОГ

Лондон, поздняя осень 1817 года

Достопочтимый Эдвард Джуниус Карсингтон, граф Харгейт имел пятерых сыновей, на три больше, чем ему было необходимо. Поскольку Провидение благословило его двумя здоровыми наследниками, для его светлости было бы лучше, если бы остальные три ребенка оказались дочерьми.

В отличие от других титулованных особ граф ненавидел долги, а сыновья, особенно если это сыновья аристократа, обходятся безумно дорого. Скромное образование, которое требовалось получить девочкам из аристократических семей, можно было обеспечить и дома, тогда как мальчиков приходилось отправлять в частные школы, а затем в университеты. При правильном воспитании повзрослевшие дочери не попадают в переделки, из-за которых их отцу приходится платить огромные суммы, чтобы уладить скандал. В случае с сыновьями, исключить подобное возможно лишь если держать неразумных отпрысков взаперти, что кажется едва осуществимым.

По крайней мере это можно было сказать про сыновей лорда Харгейта. Унаследовав от отца привлекательную внешность, неиссякаемую энергию и силу воли, они с удручающей регулярностью попадали в неприятности.

Также стоит заметить, что дочерей можно выдать замуж совсем юными за сравнительно небольшие деньги, после чего за них начинают нести ответственность мужа...

А отцам сыновей приходилось покупать своим чадам места — в правительстве, в церкви или армии либо подыскивать им богатых жен.

За последние пять лет двое старших наследников лорда Харгейта выполнили свой долг, женившись. И теперь внимание графа было сосредоточено на третьем сыне — Алистере Карсингтоне.

— За те деньги, которые Алистер тратит на портного, сапожника, шляпника, перчаточника и разных галантерейщиков — не говоря уже о прачках, виноторговцах, кондитерах и прочих — я мог бы снабдить весь военно-морской флот, — пожаловался его светлость жене, укладываясь в постель.

Графиня Харгейт, статная темноволосая женщина, отложила книгу, которую читала в сторону и устремила взгляд блестящих черных глаз на супруга.

Сын, о котором идет речь, унаследовал внешность своего отца: такой же высокий и худощавый, как граф в молодости, с ястребиным профилем и глазами с тяжелыми веками, хотя у графа они были скорее карими, чем золотистыми, и более глубоко посаженными. В темно-каштановых волосах лорда Харгейта уже появились серебристые пряди. Оба обладали карсингтонским голосом, который от сильных эмоций походил на рычание.

— Ты должен положить этому конец, Нед, — сказала леди Харгейт.

Граф посмотрел на нее и вскинул брови.

— Раньше я уже говорила тебе, что Алистер слишком много внимания уделяет внешнему виду, потому что стесняется своей хромоты, и нам нужно быть терпеливыми. Но прошло уже два года с тех пор, как он вернулся с континента, а дела не улучшаются. Он, кажется, безразличен ко всему, кроме своей одежды.

Лорд Харгейт нахмурился:

— Никогда бы не подумал, что доживу до того дня, когда мы будем переживать из-за его неудач с женщинами.

— Ты должен что-то сделать, Нед.

— Я бы сделал, если бы знал, что именно.

— Какая чушь! — воскликнула жена. — Если ты можешь справиться с королевским отпрыском — не говоря уже о тех бестолковых джентльменах из палаты общин — ты, безусловно, сможешь справиться и с собственным сыном. Я уверена, что ты что-нибудь придумаешь. И лучше бы тебе поторопиться...

Неделю спустя лорд Харгейт вызвал к себе Алистера Карсингтона в кабинет и выдал «Список глупых трат», в котором указывалась их стоимость в фунтах, шиллингах и пенсах.

По меркам некоторых джентльменов, список был небольшим, однако степень ущерба репутации превышала норму, что Алистер и сам прекрасно понимал.

Ему не нужен был список, чтобы напомнить о его неудачных влюбленностях.

Когда ему было четырнадцать, это была Клара, золотоволосая, розовощекая дочь сторожа Итона. Алистер следовал за ней, как щенок, тратил все свои карманные деньги на подношения в виде сладостей и красивых безделушек. Однажды ревнивый соперник, местный юноша, бросил в адрес Алистера провокационное замечание. Спор вскоре перерос из обмена оскорблениями в драку, привлекающую толпу. Последовавшая драка между группой одноклассников Алистера с несколькими деревенскими мальчишками привела к двум сломанным носам, шести выбитым зубам, легкому сотрясению мозга и значительному ущербу имуществу. Клара плакала над избитым соперником и называла Алистера скотиной. Его сердце было разбито, он не беспокоился о том, что ему грозило

отчисление за нападение, подстрекательство к беспорядку и уничтожение собственности школы.

Лорду Харгейту пришлось вмешаться, и это стоило ему немалых денег.

В возрасте шестнадцати лет Алистер влюбился в Верену, с которой познакомился во время летних каникул. Поскольку ее родители были людьми набожными и строгими, романы она читала украдкой и общалась с Алистером торопливым шепотом и с помощью тайных писем. Однажды ночью в соответствии с договоренностью он тайком пробрался к ее дому и бросил пригоршню камней в окно ее спальни. Он предполагал, что они разыграют что-нибудь вроде сцены на балконе из «Ромео и Джульетты», но у Верены были другие планы. Она сбросила вниз чемодан, потом спустилась по веревке из связанных простыней, заявив, что не намерена дольше оставаться пленницей в доме родителей и решила сбежать с Алистером. Он сразу же согласился, испытывая радостное возбуждение при мысли, что спасает прекрасную даму, попавшую в беду, и ничуть не тревожась о деньгах, средстве транспортировки, жилье и прочих подобных пустяках. Не успели они добраться до соседнего прихода, как их вернули. Ее взбешенные родители хотели, чтобы его осудили за похищение и сослали в Новый Южный Уэльс. Урегулировав эту проблему, лорд Харгейт предложил сыну найти какую-нибудь проститутку, вместо того чтобы бегать за благовоспитанными девицами.

В семнадцатилетнем возрасте Алистер увлекся Китти, помощницей портнихи и обладательницей огромных синих глаз. От нее Алистер узнал о некоторых тонкостях женской моды. Когда на нее пожаловалась одна ревнивая высокопоставленная клиентка и Китти выгнали с работы, возмущенный Алистер опубликовал памфлет о несправедливости. Клиентка подала на него в суд за клевету, а портниха потребовала компенсацию за диффамацию

и потерю клиентуры. Лорд Харгейт уладил дело обычным путем.

В девятнадцать лет пассией Алистера стала Джемма, фешенебельная модистка. Как-то раз, когда они ехали за город насладиться сельской идиллией, их экипаж оставили блюстители порядка и обнаружили в коробках Джеммы кое-какие краденые вещи. Она утверждала, что их подсунула завистливая соперница, и Алистер, поверив ей, произнес страстную речь о сговоре с коррумпированными официальными лицами, собрав вокруг себя толпу, которая, как это часто бывает, вышла из-под контроля. Ему был зачитан закон о подстрекательстве к бунту, и его бросили в кутузку вместе с нечистой на руку любовницей. И снова его выручил из беды лорд Харгейт.

В двадцать один год у Алистера была Эме, французская танцовщица, которая преобразовала его скромное холостяцкое жилье в элегантный вертеп. Она устраивала вечеринки, ставшие вскоре весьма популярными в лондонском полусвете. Поскольку вкусы Эме могли соперничать со вкусами покойной Марии Антуанетты, Алистер оказался в долговой яме, на пути в долговую тюрьму. Граф уплатил астрономическую сумму, пристроил Эме в гастролирующую балетную труппу и заявил Алистеру, что пора ему водить знакомство с уважаемыми леди и перестать выставлять себя на посмешище.

В двадцать три года появилась леди Терлоу, замужняя любовница. В высшем свете любовные связи такого рода держали в тайне, чтобы не подмочить репутацию леди и избавить ее супруга от утомительной процедуры вызова на дуэль и судебного преследования, но Алистер не мог скрывать свои чувства, и ей пришлось положить конец их связи. К сожалению, слуга украл любовные письма Алистера и стал угрожать предать их гласности. Чтобы защитить любимую от скандала и гнева взбешенного мужа, Алистер, не имевший возможности собрать затре-

бованную шантажистом огромную сумму, был вынужден обратиться за помощью к отцу.

В возрасте двадцати семи лет он совершил самую большую глупость. Джудит Гилфорд была единственной дочерью недавно получившей дворянское звание вдовы. Она вошла в жизнь Алистера в самом начале 1815 года. Вскоре он одержал победу над всеми соперниками, и в феврале было объявлено о помолвке.

Она была хороша собой и очень приятна в общении, но только на публике, а в частной жизни подвержена приступам дурного настроения, и, если немедленно не получала того, чего хотела, устраивала скандалы. Требовала к себе постоянного внимания, была крайне обидчива, зато сама могла оскорбить кого угодно. Она отвратительно относилась к родственникам и друзьям, плохо обращалась с прислугой и закатывала истерики, если кто-нибудь пытался ее урезонить, поэтому через пару месяцев Алистер впал в отчаяние: как джентльмену, ему не подобало разрывать помолвку.

Саму Джудит все устраивало, и он мог лишь надеяться, что попадет под копыта лошадей, утонет в Темзе или его зарежут разбойники. Однако одним поздним вечером, оказавшись на плохо освещенной улице, где случаи насильственной смерти были частым явлением, он споткнулся и, сам не зная как, оказался в объятиях роскошной куртизанки по имени Элен Уотерс.

Алистер снова безумно влюбился и снова не смог сохранить это в тайне. Джудит, узнав о случившемся, закатила публичный скандал и пригрозила судебным преследованием. Сплетники были в восторге, чего не скажешь о лорде Харгейте. Не успел Алистер опомниться, как его посадили на корабль и отправили на континент.

Как раз перед битвой при Ватерлоо.

На этом список заканчивался.

Алистер, прихрамывая, отошел от окна и, положив бумагу на письменный стол, за которым сидел отец, небрежным тоном произнес:

— Разве я не заслужил доверия? Ведь с весны пятнадцатого года не зарегистрировано ни одного эпизода.

— Ты не попадал в истории только потому, что большую часть этого времени был недееспособен, — возразил лорд Харгейт. — А тем временем счета от торговцев приходят целыми возами. Я не знаю, что хуже. Тех средств, которые ты расходуешь на свои жилеты, хватило бы, чтобы содержать целый гарем французских проституток.

Алистер не мог этого отрицать. Он всегда был очень разборчив в одежде. А в последнее время, возможно, уделял своей внешности больше внимания, чем прежде. Это отвлекало его от других мыслей. Он, к примеру, не помнил день и ночь 15 июня. Битва при Ватерлоо осталась пробелом в его памяти. Он старательно делал вид, будто не замечает изменившегося к нему отношения: поклонения, от которого хотелось выть, и приводившей в ярость жалости.

Он прогнал эти мысли, хмуро глянув на приставшую к рукаву пушинку, и едва удержался, чтобы не смахнуть ее. Это показалось бы нервным жестом. Почувствовав, что начинает потеть, он надеялся лишь, что отец закончит разговор до того, как увлажнится его накрахмаленный галстук.

— Я терпеть не могу говорить о деньгах: это вульгарно, но, к сожалению, сейчас это неизбежно. Если хочешь отобрать у младших братьев то, что принадлежит им по праву, то можешь продолжать в том же духе.

— Моих братьев? Почему ты так говоришь? — Он замолчал, заметив на губах отца некое подобие улыбки.

О, этот намек на улыбку никогда не сулил ничего хорошего.

— Позволь объяснить, — сказал лорд Харгейт.

— Он дает мне срок до первого мая, — сказал Алистер своему другу лорду Гордмору. — Ты когда-нибудь слышал о подобных драконовских условиях?

Он приехал к своему бывшему боевому товарищу в то время, когда тот одевался. Стоило Гордмору взглянуть на Алистера, как он тут же отослал из комнаты слугу, и, когда они остались одни, друг пересказал свой утренний разговор с отцом.

В отличие от большинства аристократов виконт отлично умел одеваться без помощи слуги, и в данный момент стоял перед зеркалом и завязывал галстук. Поскольку этот процесс включал не только завязывание узла, но и безупречно точное распределение складочек, на это уходило с полдюжины накрахмаленных полос тончайшего батиста, прежде чем удавалось достичь совершенства.

Алистер стоял у окна в гардеробной и наблюдал за этим процессом, хотя после утреннего разговора с отцом процесс завязывания галстука несколько утратил для него свою привлекательность.

— Твой отец для меня загадка, — заметил Гордмор.

— Он велит мне жениться на богатой наследнице. Представляешь? И это после катастрофы с Джудит!

Гордмор еще тогда сказал Алистеру, что единственный ребенок в семье не знает, что такое делить любовь и внимание родителей с братьями и сестрами, и бывает, как правило, эгоистичен и своеволен, а сейчас предположил, что должна же в Англии найтись хотя бы одна не слишком уродливая и не сварливая наследница.

— У меня и в мыслях нет жениться раньше лет сорока пяти — пятидесяти, — заявил Алистер. — Иначе это будет еще одна трагическая ошибка.

— Тебе просто не везло с женщинами, — возразил Гордмор.

— Нет, это фатальная черта характера, — покачал головой Алистер. — Я слишком легко влюбляюсь, причем всегда как мальчишка, а потом одна неприятность следует

за другой. Почему бы моему папаше самому не выбрать для меня жену? Он наверняка разбирается в этом лучше.

И все же Алистер знал, что это будет его мучить. Он своей невесте не принесет ничего, и жить в финансовой зависимости от отца довольно трудно, но зависеть от жены, быть обязанным ее семье... При мысли о такой перспективе у него дрожь пробегала по телу. Он знал, что в других семьях младшие сыновья женятся на деньгах, и никто их не осуждает за это: так принято, но ему гордость не позволяла с этим смириться.

— Уж лучше бы он оставил меня в армии, — проворчал Алистер.

— Возможно, как и не он один, твой отец считает, что ты израсходовал отпущенную тебе долю везения на поле боя. Откровенно говоря, меня это радует.

Видимо, Алистер был не раз на волосок от смерти. Говорят, что враги убили под ним трех коней, что его рубили саблями и кололи пиками. По нему проскакали кавалеристы союзников, двое его раненых товарищей умерли на нем, его обобрали мародеры. Его приняли за мертвого, и он долгое время валялся в вонючем месиве под трупами. Когда Гордмор нашел его, Алистер и сам был почти трупом.

Правда, он этого не помнил, а лишь делал вид, что помнит. Из отдельных обрывочных воспоминаний других людей он составил общую картину, хотя не был уверен, что она соответствует действительности. Возможно, многое сильно преувеличено. Гордмор наверняка знал или хотя бы догадывался, что с головой у Алистера не все в порядке, но они никогда об этом не говорили.

— Отец мог бы позволить мне продолжать служить королю и отечеству, — сказал Алистер. — Тогда хотя бы не жаловался, что я веду праздный образ жизни.

— Но джентльмен и должен вести праздную жизнь.

— Только не я, — возразил Алистер. — К первому мая мне нужно найти способ самостоятельно содержать себя.